

ББК 60.524.224

М.Г. Федотова

Роль коммуникационного поля в процессе означивания социальной информации

M.G. Fedotova

The Role of Communication Field in a Process of Valuation of Social Information

Дается описание процесса означивания с позиций динамической теории информации. Автор, основываясь на введенном им понятии «коммуникационное поле», предлагает модель означивания социальной информации в переходные периоды общественного развития. В эти периоды означивание социальной информации становится фактором, конструирующим новое общество.

Ключевые слова: означивание, коммуникационное поле, информация, динамическая теория информации, социальная информация.

Исследования как современных, так и традиционных обществ с очевидностью убеждают в разнообразии ценностных приоритетов, разделяемых их членами. Соответственно, разную ценностную нагрузку несут одни и те же символы и знаки. Так, рабство и работорговля, с одной стороны, воспринимаются в Античном мире как неизбежность, хотя и неприятная, но необходимая для существования общества, с другой стороны, подвергаются осуждению как абсолютно неприемлемые в современном мире. Пользуясь терминологическим аппаратом семиотики, можно сказать, что эти слова по-разному означиваются в разных обществах. Причем, как показал П. Бурдьё, легитимация символов («символическая власть») имеет решающее значение для распределения и удержания власти в обществе. Конструирующая роль социальной коммуникации подчеркивается рядом исследователей, развивающих положения «социологии знания» П. Бергера и Т. Лукмана, А. Щюца. Однако остается невыясненным вопрос о механизмах изменения смыслов (иногда до противоположных) в процессе социальных перемен.

Для выдвижения гипотезы, позволяющей ответить на этот вопрос, представляется естественным воспользоваться положениями синергетики, изучающей переходные процессы и состояния. В рамках синергетической парадигмы развивается динамическая теория информации, рассматривающая информацию как случайный, запоминаемый выбор из равноценных вариантов. «Бифуркационный» выбор варианта при-

This article describes the process of valuation from a position of the dynamical theory of information. The author based on the concept of the “communication field” offers a model to assess social information during the transition periods of social development. During these periods the valuation of social information becomes a factor which constructs new society.

Key words: valuation, communication field, information, dynamic information theory, social information.

водит систему в относительно устойчивое состояние. «При этом возникает упорядоченность (структура), олицетворяющая нарушение прежней пространственной симметрии и установление новой асимметричной и в то же время более упорядоченной формы координации частиц, из которых состоит система» [1, с. 16]. Применительно к обсуждаемой здесь проблеме можно сказать, что рецепция информации извне и информационный консенсус внутри общественной системы приводят к изменению структуры и взаимосвязей в системе и означают переход от транзитивного состояния общества к периоду его относительной стабилизации, упорядоченности социальных структур.

Эти общие положения необходимо конкретизировать построением модели достижения коммуникационного консенсуса по поводу смысла социальных преобразований. Такая модель с необходимостью должна включать в себя действующего субъекта. Однако его выделение применительно к процессу означивания затруднено, поскольку акторами процесса означивания во время его протекания становятся разные социальные субъекты. Поэтому о субъекте означивания можно говорить только весьма условно как о распределенном в пространстве и времени. Ключевым же для построения модели означивания социальной информации в эпоху перемен оказывается сам процесс взаимодействия, организующий субъектов в открытую систему.

Представление о взаимоотношениях как основе открытой самоорганизующейся системы дает теория полей, разработанная для анализа социального про-

странства П. Бурдьё. Поле, по Бурдьё, – совокупность объективных отношений между субъектами, представляющее собой определенную структуру социальных позиций. Само социальное пространство представлено как совокупность полей, внутри которых «агенты занимают позиции, статистически определяющие их взгляды на это поле и их практики, направленные либо на сохранение, либо на изменение структуры силовых отношений, производящей это поле» [2, с. 108–109]. Объективным основанием для выделения полей является наличие различных видов капиталов: экономического, культурного, символического. П. Бурдьё подчеркивает особую роль символического капитала, который позволяет легитимизировать все другие виды капиталов при помощи конструирования реальности, «устанавливая *гносеологический* порядок» [2, с. 89].

Следовательно, можно говорить и о коммуникационном поле, где взаимоотношения возникают по поводу многообразных информационных потоков и обеспечиваются коммуникационной инфраструктурой, позволяющей субъектам взаимодействовать между собой. Целостность этой системе придает относительная стабильность коммуникационных связей между объектами, обусловленная относительной стабильностью интересов социальных групп. Как для индивида, так и для социальной группы, в которую он входит, существует ряд привычных, повседневных способов коммуникации в обществе. Общество в этом понимании представляет собой своего рода сеть коммуникационных полей.

Коммуникационное поле действует как многоканальная сетевая структура, где взаимодействие двух субъектов коммуникационного процесса может быть как непосредственным (межличностным), так и опосредованным множеством каналов (разнообразные СМИ). К структуре взаимодействующих внутри коммуникационного поля элементов, на наш взгляд, вполне применимо понимание сети как «полимагистральной структуры, в которой две точки всегда связываются множеством магистралей, а каждая магистраль состоит из множества отрезков и путей» [3, с. 63].

Социокультурное основание для выделения коммуникационного поля дает, по нашему мнению, понятие «жизненный мир», являющееся ведущим концептом феноменологической социологии в ее анализе повседневности и обыденного сознания. Его концептуальную разработку осуществил Э. Гуссерль в работах «Картезианские размышления» [4] и «Кризис европейского человечества и философия» [5]. Центральным понятием феноменологической социологии *жизненный мир* становится в работах А. Шюца «Смысловая структура социального мира» [6] и «Структура повседневного мышления» [7], а также в трактате П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» [8].

В этих трудах *жизненный мир* предстает как окружающее индивида социальное пространство, знания и представления о котором являются самоочевидными, не проблематизируются и воспроизводятся по привычке в повторяющихся, типичных ситуациях. Эти фоновые знания и представления составляют ресурс воспроизводства общества. Проблематизация представлений, составляющих *жизненный мир* индивида, осуществляется только в ситуациях, когда типичные схемы поведения в обществе больше не работают, в частности, когда общество находится на этапе перемен. В этой ситуации проблематизация *жизненного мира* индивидов составляет ресурс воспроизводства социальных перемен.

Особый социально-философский смысл этим феноменологическим размышлениям придает разговор о конструировании социальных групп на основе общности *жизненного мира*. А. Шюц говорит о конструировании на основе типизаций «другого» и самотипизации «мы-группы» и «они-группы». При этом «в рамках «мы-группы» большинство личностных и поведенческих типов действия воспринимаются как нечто само собой разумеющееся (пока нет свидетельств об обратном) – как набор правил и предписаний, которые не опровергнуты до сих пор и, предполагается, не будут опровергнуты в будущем. Более того, типические конструкты часто институционализируются в качестве стандартов поведения, поддерживаемых обычаем и традицией, а иногда и особыми средствами так называемого социального контроля, например, законом» [7]. В свою очередь, «члены они-группы не считают образ жизни мы-группы очевидно и безусловно истинным. Ни один символ веры и ни одна историческая традиция не обязывают их принимать в качестве правильных и добродетельных обычаи какой бы то ни было группы, кроме собственной. Не только главный миф, но и процессы его рационализации и институционализации у них другие» [6, с. 281].

Такая гомогенность типизаций в рамках «мы-группы» позволяет исследователям говорить не только о *жизненном мире* индивида, но и о *жизненном мире* социальной общности. А. Бергер и Т. Лукман отмечают со ссылкой на А. Шюца: «Все типизации обыденного мышления сами являются интегральными элементами конкретно-исторического и социально-культурного *жизненного мира* (Lebenswelt), в рамках которого они считаются само собой разумеющимися и социально признанными» [8, с. 32].

Представления о *жизненном мире* позволяют уточнить предложенное выше определение коммуникационного поля, рассматривая его как непроблематизируемое пространство социальной коммуникации, структурированное при помощи сети каналов распространения информации.

Параметром порядка коммуникационного поля, придающим динамику этой открытой самооргани-

зующейся системе, являются повседневные способы коммуникации индивида в обществе, имеющие в своей основе жизненный мир социальной общности. Несмотря на кажущуюся субъективность такой основы динамики коммуникационного поля, стоит заметить, что жизненный мир социальной общности определяется не в последнюю очередь наличием и размером экономического, социального и культурного капиталов индивидов, составляющих эту общность. Как пишет об этом П. Бурдьё, «у владельцев большого культурного капитала больше шансов стать посетителем музеев, чем у тех, кто этого культурного капитала лишен» [9, с. 63]. Это создает объективные основания как для жизненного мира социальной общности, так и для коммуникационного поля, коррелирующие с социальной структурой.

Анализ существующих в обществе коммуникационных полей может представлять прогностический интерес. В работе Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова «Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры» отмечается, что «пространственные области синхронического среза структуры показывают характер прошлого развития структуры в целом, а другие фрагменты – характер ее будущего развития. ... Если структура развивается с обострением в сбегаящемся к центру режиме (LS-режиме), то наличный ход процессов в центре является индикатором прошлого развития всей структуры, а ход процессов на периферии сейчас – индикатором ее будущего развития. Если же структура развивается в режиме неограниченно разбегающейся волны (HS-режиме), то, наоборот, информация о будущей картине развития структуры в целом содержится сейчас в ее центре, а о прошлой картине – на ее периферии» [10, с. 138]. Следовательно, анализируя процессы, происходящие в коммуникационном поле, можно понять направление развития общественной системы.

Этот тезис можно проиллюстрировать явлением регионализации российских СМИ, о котором начали говорить в середине 90-х гг. XX в. Тиражи местных изданий в это время стали впервые сопоставимы с тиражами общероссийских газет и журналов. Обычно периферийная зона коммуникационного поля становится центральной, прогнозируя направление будущего развития. Неоднократно указывалось на регионализацию политической элиты в процессе социальной трансформации России. Так, А.П. Ломачинский отмечает: «В начале 1990-х годов в концепции перехода к демократии в качестве решающего фактора демократизации рассматривалась общенациональная политическая элита России. Но в конце 1990-х годов, по мере того, как завершалось становление политико-правовой субъектности регионов Российской Федерации, уже региональные элиты с соответствующим типом политического лидерства выступают ключевыми субъекта-

ми процессов демократических преобразований на региональном и местном уровнях» [11, с. 4].

Основываясь на утверждениях о роли периферийной части коммуникационного поля в транзитивном обществе, логично предположить существование в транзитивном обществе коммуникационных полей, генерирующих информацию предшествовавшего периода развития общества, и коммуникационных полей, генерирующих информацию нового этапа общественного развития. Исход борьбы между этими полями и интериоризация новой информации на уровне жизненного мира индивидов и будут означать завершение переходного периода и новый этап динамической стабилизации.

Выше было заявлено, что в процессе означивания социальной информации участвует целый ряд субъектов. Необходимо прояснить вопрос о субъектах, составляющих коммуникационное поле. Поскольку в рамках коммуникационного поля осуществляется рецепция и генерация информации, стоит обратить внимание на анализ распределения знания в обществе, проведенный А. Щюцем, П. Бергером и Т. Лукманом.

Основанием для выделения социальных групп, обладающих разным знанием и по-разному его интерпретирующих, эти исследователи называют интерпретацию и самоинтерпретацию групп. А. Щюц акцентирует внимание на отличиях в интерпретациях между группами. Он замечает: «...символические аппрезентации, посредством которых мы-группа себя интерпретирует, имеют аналог в интерпретациях тех же самых символов они-группой или они-группами. Но эти интерпретации будут неизбежно отличаться от интерпретаций мы-группы, поскольку системы релевантностей обеих групп (и, соответственно, апперцептивные, аппрезентативные и референциальные схемы, принимаемые как системы соотнесения для интерпретации сотворенного таким образом "порядка") не могут совпадать» [12, с. 525].

Группы, обладающие особым знанием и особым способом его интерпретации, оформляются институционально, а индивиды исполняют определенные социальные роли, что дает «возможность существования в обществе изолированных смысловых подуниверсумов. ... Смысловые подуниверсумы конструируются в обществе по разным критериям – полу, возрасту, профессии, религиозным предпочтениям, эстетическому вкусу и т.д.» [8, с. 140]. Подобных подуниверсумов, следовательно, может быть в обществе бесконечное количество. П. Бергер и Т. Лукман ограничивают их лишь количеством материальных излишков, необходимых для существования общества. Особое внимание исследователей привлекает «социальное распределение "специального знания", которое возникает в результате разделения труда и "носители" которого институционально определены» [8, с. 225]. По этому критерию различаются прежде всего «смысловые по-

дуниверсумы» специалистов, обладающих специальным знанием и использующих его в повседневной практике, и «смысловые подуниверсумы» неспециализированного знания. К этому же выводу приходит П. Бурдые. Он пишет: «"символические системы" различаются главным образом по тому, произведены ли они и усвоены всей группой или, напротив, только корпусом *специалистов*, а точнее относительно автономным полем производства и обращения» [2, с. 93]. Обладание агентов определенным социальным капиталом (который включает и обладание специальными знаниями) и производство символической продукции определенного рода являются основанием для выделения им нескольких символических систем специалистов: поле политики, поле социальных наук, поле журналистики, литературное поле и др.

Среди бесконечно большого количества коммуникационных полей, в рамках которых взаимодействуют специалисты, можно выделить отдельные коммуникационные поля, взаимодействующие в которых и исполняющие определенные роли специалисты «лучше, чем другие, символически представляют этот [институциональный] порядок во всей его целостности. Такие роли имеют огромное стратегическое значение в обществе, так как представляют не только тот или иной институт, но интеграцию всех институтов в осмысленный мир» [8, с. 126]. Речь идет о социальных ролях, позволяющих осуществлять институциональную легитимацию в обществе. П. Бергер и Т. Лукман особо выделяют в этой связи политический и религиозный институты. П. Бурдые рассматривает три универсума – поле политики, поле социальных наук и поле журналистики, ведущих борьбу за навязывание выработанных внутри этих специализированных полей принципов наименования (объясняющих, что есть социальный мир с точки зрения соответствующих специалистов), «за монополию легитимного символического насилия» [2, с. 126].

Все перечисленные выше поля, безусловно, имеют прямое отношение к процессу означивания. Эти поля интересуют нас постольку, поскольку являются центрами коммуникационного поля неспециалистов, где и разворачивается основная борьба между возможными вариантами означивания. Так, коммуникационное поле политики составляет информация о событиях в этой сфере и сети коммуникационного взаимодействия (куда входит и борьба между политическими противниками). Коммуникационное поле журналистики составляет информация о событиях в общественной жизни и сети взаимодействия с коллегами и аудиторией СМИ.

Однако представленный список специализированных коммуникационных полей, на наш взгляд, неполон. Существует еще одна группа «специалистов по наименованию» – специалисты, профессионально занимающиеся процессом управления коммуникацией:

политтехнологи, рекламисты, специалисты по связям с общественностью и др. Эта группа людей обладает специальными знаниями не только о семантике означиваемого проекта нового общества, но и об особенностях самой коммуникационной сети, оптимальных способах донесения необходимой информации до целевой аудитории.

Выше было заявлено, что процесс означивания начинается в специализированных коммуникационных полях, но неспециализированные коммуникационные поля имеют решающее значение для принятия или отклонения «проекта» хорошего общества. В процессе означивания социальной информации прямое информационное воздействие управляющего субъекта опосредуется в неспециализированных коммуникационных полях массовым здравым смыслом, повседневным, обыденным сознанием, составляющим горизонт жизненного мира субъектов, объединенных коммуникационным полем. Массовый здравый смысл способствует появлению общей интерпретативной схемы, действующей в рамках коммуникационного поля. Интерпретативная схема означает наличие определенного комплекса ожиданий у адресата процесса коммуникации, наличие определенного тезауруса, из которого надлежит сделать выбор адресату коммуникационного сообщения. Это дополнительный фактор, способствующий объединению в рамках одного коммуникационного поля индивидов, имеющих общую систему релевантностей. Как пишет об этом А. Щюц, «коммуникация предполагает, что интерпретативная схема, которую коммуникатор связывает, а интерпретатор свяжет с произведенным коммуникативным знаком, будет *в существенных чертах* одной и той же» [12, с. 492]. Следствием из этой теоретической посылки является то, что «успешная коммуникация возможна лишь между лицами, социальными группами, нациями и т.д., которые разделяют в существенных чертах схожую систему релевантностей» [12, с. 492].

Значительную часть общей интерпретативной схемы индивидов, взаимодействующих в рамках коммуникационного поля, составляют типизации, требуемые в повседневной жизни. Под типизациями А. Щюц понимает «некоторое множество систем ... типичных решений типичных практических и теоретических проблем, типичных предписаний относительно типичного поведения» [12, с. 518].

А. Щюцем было показано, что схемы типизации зависимы от степени приближенности знания к сфере деятельности индивида. Наименее схематизирован социальный запас знания, он «дает сложную и подробную информацию о тех секторах повседневной жизни, с которыми я часто имею дело, и гораздо более общую и неточную – об удаленных секторах» [8, с. 74]. Наиболее схематизировано и приближено

к идеальной типизации представление о наиболее отдаленном от индивида окружении, непосредственно не связанном с его сферой деятельности. Очевидно, что идеальная типизация характерна для неспециализированных коммуникационных полей. Индивиды, взаимодействующие в этом коммуникационном поле, зачастую знакомы с лидерами коммуникации лишь виртуально, через посредство СМИ. Однако и личное знакомство с лидером мнения, хотя и делает его типизацию в глазах индивида менее абстрактной, все же оставляет идеализированной типизацию высказываемых им идей, поскольку не делает индивида обладателем специализированного знания лидера мнения. Это означает, что информация, означиваемая в рамках неспециализированного коммуникационного поля, отвечает схемам типизации группы, а образ лидера мнения стереотипизирован. Существующие типизации восприятия реальности нередко оказываются критериями для того, означиваются ли социальные перемены как позитивные или травмирующие. Сошлемся на мнение П. Штомпки: «Являются ли события травмирующими или нет, зависит от референтной рамки. Событие (ситуация) становится полной травмой, чем-то разрушительным, шокирующим, болезненным лишь по отношению к нормам, стандартам упорядоченности. Факты фильтруются символическими, разделяемыми коллективом (т.е. культурой) линзами» [13, с. 7].

Итак, представления динамической теории информации о том, что процесс перехода системы в новое качество связан с повышением ценности информации, генерируемой системой и рецептируемой ею извне, предполагают выделение коммуникационного поля, в рамках которого происходит означивание социальной информации. Речь идет о привычных, повседневных, непроблематизируемых способах и каналах коммуникации групп индивидов в обществе. Непроблематизируемое пространство социального знания, составляющее жизненный мир индивида, предполагает также, что индивид включен в коммуникационную систему получения знаний о текущих событиях.

По семантике информации можно выделить: а) коммуникационные поля, объединяющие специалистов, обладающих профессиональными знаниями, и б) коммуникационные поля неспециалистов – индивидов, не обладающих знаниями в определенной сфере деятельности. Процесс означивания начинается в специализированных коммуникационных полях, но неспециализированные имеют решающее значение для принятия или отклонения «проекта» нового общества. В процессе означивания социальной информации прямое информационное воздействие управляющего субъекта опосредуется в неспециализированных коммуникационных полях массовым здравым смыслом, повседневным, обыденным сознанием, состав-

ляющим горизонт жизненного мира субъектов, объединенных коммуникационным полем.

Опираясь на положения динамической теории информации, можно предположить, что процесс означивания проходит ряд динамических стадий, разворачивающихся в социальном пространстве. Исходным состоянием, точкой отсчета является динамический хаос, которому соответствует потеря значимости прежних социальных ориентиров, резкое снижение ценности информации, являющейся наиболее значимой в прежней социальной системе. Для массового сознания на этой стадии более всего характерно состояние аномии (Мертон), травмы (П. Штомпка).

На следующей стадии происходит «зарождение „чистых“ (без примеси) областей на фоне хаоса» [1, с. 101], что означает появление новых смыслов, способных конструировать новое общество у отдельных индивидов. Это начало процесса означивания на уровне индивида.

На стадии, которая в исследованиях по социосинергетике получила название «стадия мозаики», происходит расширение зоны означивания информации определенной семантики за счет «ядерной» части коммуникационного поля – ближнего для индивида круга общения, привычных каналов коммуникации. Стадия продолжается до тех пор, пока все социальное пространство не окажется покрытым своеобразной мозаикой, содержащей зоны различной семантики.

На «стадии паркета» обостряется борьба за видение того или иного смысла социальных преобразований. Рост количества индивидов, для которых информация определенной семантики имеет увеличивающуюся ценность, происходит за счет маргиналов из соседних коммуникационных полей. На этой стадии происходит наиболее явная, наиболее острая идеологическая борьба.

На следующей стадии борьба за новые смыслы происходит лишь в зонах соприкосновения коммуникационных полей. Количество коммуникационных полей сокращается за счет вытеснения количественно малочисленных и располагающих меньшими информационными ресурсами групп. Процесс завершается «образованием чистого кластера» [1, с. 102], означающего в данном контексте существование единого для всех социальных групп смысла социальных преобразований.

Таким образом, роль коммуникационного поля в процессе означивания социальной информации может быть описана как конструирующая. Коммуникационное поле организует процесс принятия смыслов, необходимый для легитимации нового порядка в общественном сознании. Выделение коммуникационного поля позволяет построить модель трансформации смыслов в ходе социальных перемен.

Библиографический список

1. Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. – М., 1998.
2. Бурдые П. О телевидении и журналистике. – М., 2002.
3. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. – 2008. – №7.
4. Гуссерль Э. Картезианские размышления. – СПб., 1998.
5. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. – 1986. – №3.
6. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. – М., 2003.
7. Шюц А. Структура повседневного мышления // [Электронный ресурс]. – URL: <http://remington.samara.ru/~philosophy/exlibris/shutz.html>.
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995.
9. Бурдые П. Социология политики. – М., 1993.
10. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомеры. – СПб., 2002.
11. Ломачинский А. П. Становление региональных элит (Социально-коммуникативный аспект) : дис. ... канд. полит. наук. – Екатеринбург, 2003.
12. Шюц А. Символ, реальность и общество // Избранное: Мир, светящийся смыслом. – М., 2004.
13. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социс. – 2001. – №2.